

Часть первая

НАЧАЛО

Глава 1

Ветер пронизывал до костей, и Анри Робертс, направившийся в восточную часть города, прибавил шагу и поднял воротник пальто. Интересно, как отнесется к новости Джин. Два дня назад он принял наконец решение и подписал бумаги, не испытывая никаких сомнений, но, когда пришел домой и взглянул жене в лицо, слова застряли в горле. Сегодня уже вторник, и сказать придется, больше тянуть нельзя — в субботу он уезжает в Сан-Диего.

А вот и небольшой дом из железистого песчаника. Под грохот поезда надземной железной дороги, проложенной по Третьей авеню, Анри поднялся по ступеням переднего крыльца. Они жили здесь меньше года, но к шуму проходивших поездов уже привыкли. Поначалу грохот действовал им на нервы, когда, тесно обнявшись, они сидели в гостиной. Их немудреная утварь подсакивала и гремела, когда по эстакаде проносился поезд, спать было невозможно, но прошло немного времени, и они перестали обращать на это внимание. Анри даже любил их крохотное гнездышко, которое Джин содержала в идеальном порядке. Иногда она вставала в пять часов, чтобы успеть навести чистоту перед уходом на работу и испечь ему домашние пирожки с черникой. Она оказалась чудесной хозяйкой, даже лучше, чем можно было ожидать.

С этой мыслью он вставил ключ в замочную скважину. На площадке гулял ветер, два светильника вышли из строя, но, как только он переступил порог своего жилища, на него пахнуло домашним теплом и уютom. Глаз радовали накрахмаленные белые занавески, сшитые Джин из кисеи, симпатичный голубой коврик на полу, обтянутая заново мягкая мебель. Мебель они купили подержанную, но благодаря неусыпным стараниям Джин она блестела как новая.

Анри огляделся, и впервые после того как записался добровольцем, у него больно сжалось сердце, на глазах выступили непрошенные слезы: вернется ли он? Он тут же пристыдил себя: если не он, то кто? Если все будут так себя жалеть, то в один прекрасный день япошки прилетят сюда и начнут сбрасывать бомбы на Нью-Йорк, на их дом... на Джин.

Анри сел в кресло, обтянутое изумрудной тканью, и мысли его вернулись к тому, от чего хотелось бы уйти: о Сан-Диего, о Японии, о приближающемся Рождестве...

Он не мог бы сказать, сколько времени так просидел, пока его не вырвал из размышлений звук поворачивающегося ключа. Вот дверь распахнулась, и на пороге, с пакетами в обеих руках, он увидел Джин. В темноте она его не заметила, поэтому, включив в прихожей свет, вздрогнула от неожиданности. Муж сидел в кресле и с улыбкой смотрел на нее своими зелеными глазами, светлая прядь упала на лоб. Он был так же хорош, как и шесть лет назад, когда они познакомились: ему было семнадцать, ей — пятнадцать. Теперь ему двадцать три.

— О, дорогой! Ты уже дома? Что-то случилось?

— Нет, просто соскучился.

Анри поднялся, забрал все пакеты, и Джин с благодарностью и обычным для нее обожанием, которое ис-

пытывала к мужу, посмотрела на него своими большими темно-кариими глазами.

Да это было и понятно. Анри учился два года в колледже, на вечернем отделении, занимался легкой атлетикой, играл в футбол, пока не повредил колено, а в баскетболе ему и вовсе не было равных. Они познакомились, когда он был на втором курсе, и с того времени Джин буквально боготворила его. Да и было чем гордиться: он получил место агента в крупнейшей дилерской фирме, где занимался продажей легковых автомобилей марки «Бьюик».

Джин не сомневалась, что когда-нибудь он станет менеджером, а потом, возможно, продолжит учебу — они часто говорили об этом, но пока он и так приносил домой неплохие проценты с выручки. Постоянная нужда научила ее жить экономно, так что его деньги вкупе с ее заработком позволяли им сводить концы с концами. Родители Джин погибли в автокатастрофе, когда ей было восемнадцать лет, и с тех пор она содержала себя сама. К счастью, ей удалось еще до этого закончить курсы секретарей, и довольно-таки успешно: она была способной ученицей, — и вот уже почти три года, как она работает в одной и той же адвокатской фирме. Анри безумно гордится ею: Джин обшивает себя сама, а шляпки и перчатки выбирает очень придирчиво, изучив предварительно модели на витринах магазинов и посоветовавшись с мужем, поэтому выглядит всегда модно и эффектно.

Он с улыбкой наблюдал, как Джин стянула перчатки, сняла мягкую фетровую шляпу и бросила все на большое зеленое кресло.

— Как прошел день, любимая?

Если дома они вели себя как расшалившиеся щенята: щипались, толкались, кусались, — то на службе

Джин, разумеется, держалась строго, как того и требовало положение секретарши. Время от времени он заглядывал к ней в офис: и она выглядела так, что он почти боялся ее. Вообще-то, именно такой она и была по натуре и лишь после свадьбы немного отошла, оттаяла.

Анри поцеловал жену в шею, пониже затылка, и вдоль позвоночника побежали мурашки.

— Подожди, дай уберу продукты... — Она многозначительно улыбнулась и попыталась забрать у него пакеты, но он отвел ее руки и поцеловал в губы.

— Продукты подождут.

— Анри, перестань... — прошептала Джин, в то время как его нетерпеливые руки уже стаскивали с нее тяжелое пальто и расстегивали блестящие черные пуговицы на пиджаке.

Пакеты с продуктами перекинулись на пол, а они стояли, тесно прижавшись друг к другу, слившись в жарком поцелуе. Наконец Джин, хватая ртом воздух, оттолкнула его голову, однако он не разжимал рук.

— Анри... что это на тебя нашло сегодня?

— Лучше не спрашивай...

Он загадочно ей улыбнулся, опасаясь проговориться, и зажал рот новым поцелуем. С нее как-то слетели пиджак и блузка, а следом и юбка, открыв белый ажурный пояс с резинками, панталончики и капроновые чулки со швом на умопомрачительных ножках.

Анри пробежал руками по крепким бедрам, крепче прижал ее к себе. Джин не сопротивлялась, когда он опрокинул ее на кушетку, и сама распахнула на нем рубашку. В этот момент послышался грохот поезда, оба засмеялись, а он пробормотал, расстегивая бюстгальтер:

— Черт возьми! Как всегда, вовремя. Знаешь, а мне эти звуки стали даже нравиться, — с улыбкой отозвалась Джин и поцеловала его.

Минуту спустя их тела слились так же тесно, как губы, и прошли, казалось, долгие часы, прежде чем они заговорили снова. У входной двери горел свет, а в гостиной, где они лежали, и в их маленькой спальне было темно, но Анри все равно почувствовал на себе пристальный взгляд жены.

— Мне кажется, ты что-то от меня скрываешь. Я все эти дни чувствую какую-то непонятную тяжесть в груди.

Анри не знал, что ей ответить: сегодня это было не легче, чем два дня назад, а к концу недели будет еще тяжелее, — и тем не менее сказать надо. Теперь он уже жалел о принятом решении и впервые за минувшие три дня вдруг усомнился, что поступает правильно.

— Даже не знаю, как тебе сказать...

Джин вдруг все поняла женским чутьем, и сердце ее тревожно забилось. Он не мог видеть в темноте взгляд ее широко раскрытых глаз на вмиг ставшем печальным лице. Именно таким оно было до замужества. Они были такие разные: Анри часто смеялся, сыпал шутками, остротами, постоянно придумывал что-то смешное. Жизнь обходилась с ним милостиво, не то что с Джин: ей жилось нелегко с самого раннего возраста. Жизнь с родителями-алкоголиками, сестрой, страдавшей эпилепсией, была не сахар. Джин было девять, когда сестра умерла, причем в одной с ней постели. Девочке пришлось учиться выживать чуть ли не с самого рождения, но жизнь ее не сломала, а скорее закалила. Анри знал, что со временем ее прирожденный вкус к жизни должен раскрыться подобно цветку, который любовно выращивают и холят, и заботился об этом как умел.

Так было всегда, но сейчас он ничего не мог поделать.

— Я так и знала: ты идешь туда...

Он кивнул, и ее огромные темные глаза наполнились слезами.

— Не надо так, малышка, не плачь...

Анри почувствовал себя настоящим извергом и, не в силах видеть ее страдания, порывисто встал и вышел в прихожую за сигаретами. Выудив из кармана пачку «Кэмела», он нервно закурил и рухнул в зеленое кресло, стоявшее напротив кушетки. Джин теперь уже рыдала, не пытаясь скрыть слез, но, взглядевшись в ее лицо, он не заметил ни малейшего намека на удивление.

— Я так и знала, так и знала, — всхлипывая, повторяла Джин.

— Я должен, малышка, пойми: должен.

Она хоть и кивнула, но легче от этого ей не стало. Прошло, как им показалось, несколько томительных часов, прежде чем она набралась мужества спросить:

— Когда?

Анри Робертс с трудом сдержал слезы: еще ни один ответ не давался ему с таким трудом.

— Через три дня.

Он видел, как она вздрогнула: ее душили слезы.

В последующие три дня нормальный ход их жизни нарушился. Джин отпросилась с работы, чтобы собрать его в дорогу, и доводила себя до иступления стиркой, штопкой, глажкой. Даже пирожков напекла, чтобы дать мужу с собой. Она трудилась не покладая рук с утра до самого вечера в надежде, что эти хлопоты облегчат им обоим тяжесть расставания, однако все было напрасно.

В субботу вечером муж потребовал наконец оставить все это: прекратить укладывать вещи, которые в армии не понадобятся, печь пирожки, которые он никогда не съест, и штопать носки, которые и вовсе не нужны, — обнял ее, и она залилась слезами.

— О боже! Анри, как я буду жить без тебя?

Когда он заглянул ей в глаза, внутри у него все обвалилось, но выбора не было: когда его страна воюет, мужчина должен выполнить свой долг. Хуже всего было другое: в те минуты, когда удавалось не думать о ее муках, им овладевало новое, еще не изведенное возбуждение. Он идет на войну, и другой такой возможности может никогда больше не представиться. Это было что-то вроде мистического ритуала, обряда посвящения в мужчины, и Анри чувствовал, что должен пройти через него.

Осознание этого пришло к нему в субботу вечером. Мучительно разрываясь между состраданием и патриотическим долгом, Анри почувствовал, что хочет поскорее покончить со всем этим и оказаться в поезде, который увезет его на запад. На Центральный сборный пункт надо было явиться к пяти часам утра.

Когда он вошел в спальню, чтобы переодеться в дорогу, Джин уже немного успокоилась и теперь показала ему, несмотря на припухшие веки и покрасневшие глаза, смилившейся с неизбежным. Однажды она уже все потеряла. Анри — единственное, что у нее еще оставалось, и она согласилась бы скорее умереть, чем потерять и его, и вот теперь муж покидает ее.

— Ты сильная, ты справишься, правда, малышка?

Он сел на край кровати и в отчаянной надежде, что Джин успокоит его, хотя бы немного, посмотрел

на нее. С грустной улыбкой она взяла его руку в свои ладони.

— Да куда ж я денусь?.. Но знаешь, о чем я молю Бога?

Еще бы ему не знать: чтобы муж остался дома. Будто прочитав его мысли, она поднесла его ладони к губам и поцеловала кончики пальцев.

— Да, но не только... Я надеюсь, что ты, уезжая, оставяешь меня беременной...

В волнениях последних дней они совсем забыли о необходимости предохраняться. Анри надеялся, что это были не самые опасные дни, но теперь засомневался.

Они всегда помнили, что решили не иметь детей — по крайней мере первые несколько лет, до тех пор, пока оба не подыщут более высокооплачиваемую работу. Не исключалось также, что Анри продолжит обучение, а это еще два года. Они еще очень молоды, так что с детьми можно было не спешить, но теперь все изменилось и вся их жизнь перевернулась вверх дном.

— Мне показалось, что в последние ночи у нас было как-то по-другому, — заметила Джин.

— Думаешь, что ты могла?..

Анри с тревогой посмотрел ей в лицо. Меньше всего ему хотелось оставлять ее одну в таком положении и мчаться бог знает куда, под пули.

Джин пожала плечами и с улыбкой заметила:

— Возможно... Я дам тебе знать.

— Дьявольщина! Только этого нам и не хватало!

Он помрачнел еще больше, с беспокойством взглянув на часы, стоявшие на столике у кровати: десять минут пятого. Ему пора уходить.

— Это вовсе не исключено, — повторила Джин и поспешно добавила, будто испугавшись, что не успеет ска-

зять главное: — Пойми, Анри: я и в самом деле этого хочу. Очень...

— Именно теперь? — изумился он.

В маленькой спальне послышалось тихое, как вздох:

— Именно теперь.

Глава 2

Джин Робертс целыми днями сидела у раскрытого окна своей квартирки в надежде на желанную прохладу, но все здание, казалось, превратилось в адское пекло, и августовский зной, поднимавшийся от расплавленных тротуаров, прокаливал стены, сложенные из песчаника, насквозь. Единственное облегчение приносил ветерок от пронесившихся мимо поездов надземки.

Иногда она даже вставала по ночам с постели и садилась на ступеньки крыльца, чтобы хоть немного подышать прохладным ветерком, который поднимали мчавшиеся мимо поезда, или же сидела в ванной, закутавшись в мокрую простыню. От жары не было спасения: Джин порой казалось, что ее чрево того и гляди лопнет от натуги. Чем сильнее была жара, тем беспокойнее вел себя ребенок, словно знал, что творится снаружи, словно и ему не хватало воздуха.

При мысли о ребенке Джин улыбнулась: так хочется поскорее уже увидеть маленького, но до родов еще месяц. Джин так надеялась, что малыш будет похож на отца, который сейчас где-то в Тихом океане выполняет свой мужской долг: сражается с японцами, вернее — япошками, как писал Анри в своих письмах. Это слово покорило Джин: среди служащих ее фирмы была молодая девушка-японка, которая трогательно о ней заботилась: даже брала на себя часть работы и покрывала Джин, когда

та была так слаба, что не могла двигаться. С огромным трудом добравшись до офиса, она неподвижно сидела за машинкой, опасаясь не успеть добежать до туалета, когда затошнит.

Ее не увольняли целых шесть месяцев — значительно дольше, чем обычно держат беременных, — что было весьма благородно со стороны работодателей, и Джин написала об этом мужу. Она посылала ему весточки каждый день, а от него получала не чаще одного раза в месяц. Анри слишком уставал, чтобы взяться за письмо, к тому же они доходили с большим опозданием. «Это не то что «бьюики» в Нью-Йорке продавать», — пошутил он в одном из своих писем. Он по-прежнему шутил, даже когда писал про скверное питание, про сослуживцев, пытаясь представить все лучше, чем это было на самом деле, чтобы не расстраивать Джин.

В самом начале, когда в один прекрасный день у нее не осталось никаких сомнений в своей беременности, она вдруг испугалась, хотя, провожая мужа, надеялась, что ребенок поможет ей перенести горечь разлуки. Ей было очень страшно в первые месяцы, стоило подумать об уходе со службы, одиночестве, безденежье. На какие средства она будет содержать себя и ребенка?

Джин помнила, как отреагировал муж на ее слова о возможности беременности, но после того как сообщила о свершившемся факте и получила в ответ восторженное послание, все снова представилось ей в розовом свете. К тому времени как пришло письмо, срок был почти пять месяцев и ее состояние немного стабилизировалось.

На досуге Джин занималась переоборудованием спальни в детскую. Стены она расписала яркими картинками, а на потолке изобразила белые облака. Увидав это,

соседка по площадке отругала ее за то, что забралась на стремянку. Но как еще ей было убить свободное время? Джин не позволяла себе даже ходить в кино, чтобы не тратить ни одного лишнего пенни из своих сбережений и тех денег, которые получала за мужа. Все это предназначалось ребенку. Конверт для новорожденного она сшила сама — белый с желтыми лентами, — сама связала маленькие чепчики, башмачки, кофточка.

Когда деньги кончатся, ей придется искать няню и возвращаться на службу. Джин надеялась, что старенькая миссис Вайсман с четвертого этажа согласится посидеть с ее ребенком. Эта добросердечная старушка, что жила здесь уже много лет, пришла в восторг, узнав, что ее молодая соседка ждет ребенка, и стала навещать ее каждый день, а иногда и по вечерам, когда не могла заснуть из-за летней духоты. Если у Джин горел свет, старушка запросто заходила к ней в гости.

Но в тот вечер Джин не включала электричество. Обессиленная нестерпимой духотой, бедняжка сидела впотьмах, тупо слушая стук колес пробегавших над головой поездов, до тех пор, пока те не перестали ходить — поздно ночью — и не возобновили свой бег уже под утро. Наблюдая восход солнца, Джин мечтала об одном: вдохнуть полной грудью. Это был один из тех особенно тяжелых дней, когда жара не спадала даже по ночам, когда не помогали и поезда и казалось, что того и гляди свалишься без чувств.

Около восьми утра она услышала стук в дверь и решила, что это пришла миссис Вайсман. С тяжелым вздохом Джин накинула розовый купальный халат и зашлепала босыми ногами к двери. Благодарение богу, осталось мучиться всего месяц: больше ей не выдержать.

— Привет!..

Ожидая увидеть перед собой соседку, Джин вымучила улыбку, но в дверях стоял, протягивая ей желтый конверт, незнакомый юноша в коричневой форме с галунами песочного цвета.

Джин покраснела, смутившись за свой вид, но тут же забыла о том, как выглядит, потому что слишком хорошо знала, что означает этот визит. Юноша взглянул на нее исподлобья, и ей показалось, что лицо его перекосилось, когда она, наконец справившись с шоком, молча взяла конверт и трясущимися руками его вскрыла. Да, она не ошиблась: оно то самое...

Она опять взглянула на вестника смерти, сосредоточившись на знаках отличия, нашитых на его форме, и вдруг, не успев вскрикнуть, рухнула к его ногам. Посыльный, совсем еще юный, лет шестнадцати, еще никогда не видел беременных так близко, поэтому в ужасе закричал, призывая кого-нибудь на помощь. Начали открываться двери на площадке, кто-то побежал вверх по лестнице, появилась миссис Вайсман с мокрым полотенцем, которое и положила на лицо Джин. Юноша оторопело попятился, мечтая лишь об одном — поскорее убраться отсюда.

Джин застонала, приходя в себя. Миссис Вайсман и две соседки подвели ее к кушетке — той самой, где они с Анри предавались любви, где она зачала дитя...

«С прискорбием сообщаем, что ваш муж... погиб за Отечество... в бою при Гвадалканале».

Убит в бою... в бою... У нее опять помутилось в голове. Соседки пытались привести ее в чувство, но она никого не узнавала. Женщины переглянулись, и миссис Вайсман прочла сначала сообщение сама, а потом

передала соседкам. Джин приходила в себя медленно, пульс еле прощупывался. Ей помогли сесть и дали воды. Она тупо взглянула на миссис Вайсман — и вдруг все вспомнила. Конвульсивные рыдания сотрясли ее тело, не давая продохнуть, по щекам покатались слезы, и бедняжка, чтобы не упасть, принялась судорожно цепляться за все, что попадалось под руку.

«Он мертв... как все остальные, как мама и отец, как Руфь... он ушел, ушел навсегда... я больше никогда его не увижу...» Джин рыдала, точно малое дитя, на сердце у нее лежала неимоверная тяжесть: ничего подобного она не испытывала даже на похоронах родных.

— Успокойся, милая, все будет хорошо, — уговаривали ее соседки, заведомо зная, что ничего больше для нее не будет...

Немного погодя все разошлись, кроме Элен Вайсман: ей не нравился неподвижный взгляд Джин, застывшая поза, внезапные истеричные рыдания. Элен провела с ней весь день и только к вечеру отлучилась ненадолго к себе, но тут же вернулась, услышав ужасающие стоны. Дверь оставалась незапертой, она вошла и сразу позвонила врачу, наблюдавшему Джин. Доктор попросил миссис Вайсман передать пациентке его соболезнования и предупредил, что в результате потрясения у нее могут начаться преждевременные роды. Старушка и сама заподозрила это, когда заметила, что Джин то и дело давит на поясницу кулаками, то и дело вскакивает и беспокойно мечется по своей квартире, будто та вдруг сделалась мала для нее. Окружающий мир словно заколебался, готовый рухнуть, а бежать было некуда. Ей от мужа не осталось ничего, даже мертвого тела, чтобы похоронить, только память да дитя во чреве.

— Как ты себя чувствуешь? — участливо спросила Элен Вайсман.